

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ПАНИХИДЕ ПО КРЕСТЬЯНАМ С. БЕЗДНА

Р. В. ТУПИКИН

Ни в одном духовном учебном заведении Русской Церкви не было такого яркого явления безудержной жизни студентов и участия в их судьбе ректора, как в Казанской духовной академии в 1861 г. В это время воспитанники духовных школ еще не были широко вовлечены в социально-политические движения в России, тем неожиданней стало происшествие, когда студенты Казанской духовной академии оказались в центре протестных выступлений против законной власти. В 1861 г. студенты совершили панихиду по погибшим крестьянам с. Бездна на Крутинском (Арском) кладбище Казани. Благодаря стараниям ректора КазДа, архимандрита Иоанна (Соколова), им удалось избежать тяжелых последствий своего необдуманного поступка. В статье рассмотрены обстоятельства этой панихиды, дана оценка событиям и лицам, принимавшим в них участие. Источниками для исследования послужили архивные документы Российского Государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Важным источником являются «Мнения и отзывы» святителя Филарета Московского, который был одним из ключевых лиц в расследовании дела о панихиде по крестьянам села Бездны. Среди дополнительной литературы использованы проповеди будущего епископа Смоленского Иоанна (Соколова), а также труд П. В. Знаменского «История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870)». На основе проведенного анализа автор статьи отвечает на вопрос об истинных мотивах участия в протестных акциях студентов Казанской духовной академии.

В апреле 1861 г. в Спасском уезде Казанской губернии произошли массовые волнения крестьян, вызванные обнаружением манифеста об упразднении крепостного права. Началом инцидента стали события в селе Бездна, жители которого обвинили помещиков в обмане и в намеренном сокрытии манифеста, будто бы изданного ранее. Волнения стали расширяться и охватывать все большие территории, включая Самарскую и Симбирскую губернии. Государственное руководство приняло решение о подавлении выступлений, для чего отправило в с. Бездна две роты Тарутинского полка. В результате жестких действий властей (использовались артиллерийские орудия) 12 апреля погибло несколько десятков человек и столько же было ранено. Общественность Казани была воз-

мушена принятыми мерами. К числу недовольных также относились студенты Казанского университета и Казанской духовной академии. Положение усугублялось тем, что некоторые представители дворянства в честь произошедшего события устраивали званые обеды командовавшему войсками генерал-майору А. С. Апраксину¹.

16 апреля, в Вербное воскресенье, группа студентов Казанского императорского университета и Казанской духовной академии отслужили панихиду по убитым крестьянам в храме Ярославских чудотворцев на Арском (Куртинском) кладбище. Вскоре данной акции не без участия губернатора Казани и генерал-майора А. С. Апраксина был присвоен характер противоправительственного выступления, что получило широкую огласку и взволновало самого императора и священноначалие Церкви. Была назначена особая следственная комиссия из двух лиц — архимандрита Данилова монастыря Иакова (Кроткова) и обер-секретаря Святейшего Синода Н. И. Олферьева². Они были снабжены специальными инструкциями от святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского³.

Говоря о куртинской панихиде, необходимо рассмотреть основные этапы произошедших событий, проанализировать расследование изучаемого дела, а также сказать о том значении, которое имело выступление учащих духовных школ в истории России.

Итак, 16 апреля 1861 г. группа университетских студентов шла на панихиду мимо сада Казанской духовной академии, где в то время находились ее воспитанники. Часть из них направилась вместе с проходившими студентами. Среди обучавшихся в духовной школе находились священник Иоанн Яхонтов и иеродиакон Мелетий (Якимов), которые также приняли участие в панихиде совместно с причтом куртинской церкви⁴. Как следует из отчета, учащиеся академии присоединились к университетским студентам перед отправлением панихиды, но ничего не говорится об иных действиях академистов.

В рапорте генерал-майора А.С. Апраксина, поданном на имя императора Александра II, обстоятельства изложены иначе: «В прошлом месяце во время нахождения моего в с. Бездне для усмирения там крестьян, возмущенных Антоном Петровым, студенты университета и Духовной академии произвели демонстрацию. По улицам и площадям они собирали народ, превратно толковали ему о произошедшем в Спасском уезде и потом толпой пошли на городское кладбище, где публично отслужили панихиду по павшим крестьянам, коих они называли невинно убиенными»⁵. Как видим, согласно этому документу, воспитан-

¹ См.: *Мороховец Е. А. Дружинин Н. М.* Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права: В 2 ч. М., 1949. С. 62–73.

² О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2 отделения 1 стол. Д. 149. Л. 8.

³ См.: *Филарет Московский, свят.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. С. 55–58.

⁴ Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны // НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2047. Л. 5.

⁵ *Федоров В. А.* Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 329.

ники академии вместе со студентами университета принимали самое активное участие в событиях. Данное обстоятельство является важным, так как влияет на оценку вовлеченности и заинтересованности воспитанников академии в выступлениях против властей.

Далее, по окончании панихиды на помост поднялся, чтобы произнести речь, А. П. Шапов, преподаватель русской истории в Казанской академии и Казанском императорском университете. В своем обращении к собравшимся он между прочим сказал следующее: «Демократ Христос... возвестил миру общинно-демократическую свободу во времена ига Римской империи и рабства народов»⁶.

После данной манифестации все студенты вернулись обратно. Вечером дежурный доложил архимандриту Иоанну (Соколову), что в академии все благополучно, на этом донесении последний написал: «Хотя внутри академии не было беспорядков, но день нельзя назвать благополучным»⁷.

Ректор Казанской академии понял, чем может грозить произошедшее. Для того чтобы предупредить события, архимандрит Иоанн в течение трех дней опрашивал участвовавших в панихиде учащихся академии и, судя по тем объяснениям студентов, которые мы имеем, сам подсказывал им оправдания своего присутствия на манифестации. После этого он донес Правлению академии, что большинство воспитанников пошли вместе с прочими студентами, не зная о том, что планировалось на предстоящей акции. Также он предоставил 37 писем от студентов с объяснением их поступка. При этом в докладе правлению архимандрит Иоанн указал, что студенты написали объяснительные «по собственному их побуждению»⁸. Эти объяснения включали в себя выдержки из слов студентов самому ректору. Так, сохранился текст одной из таких объяснительных, в котором говорится следующее:

«1. 16 апреля мы услышали, что от университета будет отправлена панихида по означенным убитым. Пользуясь свободным от занятий временем и дозволенной в это время (4:30 по полудни) прогулкой и еще тем, что означенная церковь находится возле самой академии, мы, увидев университетское собрание, направляющееся к означенному кладбищу, отправились в кладбищенскую церковь.

2. Это мы сделали без всякого предварительного плана, и так как подробности дела об убитых крестьянах, а также сама цель панихиды нам не были известны в точности, то мы присутствовали на ней без всякой особенной цели, а единственно побуждаемые состраданием и сожалением к крестьянам, падшим жертвами неясного понимания дела.

3. По окончании панихиды г. Шапов произнес речь. По множеству народа, присутствовавшего в церкви, по нераздельности обыкновенной его дикции, а также потому, что г. Шапов говорил речь прерывающимся голосом, мы не могли расслышать как следует содержание речи, а слышали только несколько отдель-

⁶ Федоров. Указ. соч. С. 328.

⁷ Цит. по: Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.): В 3 вып. Казань, 1891. Вып. 1. С. 195.

⁸ Цит. по: Там же. С. 195–196.

ных слов, по которым нельзя определить ее содержание. Поэтому на Ваши вопросы о ней мы не можем сказать ничего определенного.

4. После касательно означенной речи ходили и ходят в городе самые разноречивые слухи, приписывающие ей много резкого в мыслях и словах. Мы уже высказали в 2-х пунктах свои побуждения к присутствованию при панихиде и считаем нужным присовокупить только, что мы предварительно не знали ни о какой речи до самого произнесения ее г. Шаповым⁹.

Таким образом, студенты настаивали на том, что они не знали об истинной цели панихиды и о том, что будет произнесена речь бакалавра А. П. Шапова. Хотя что касается первого, то здесь можно найти противоречие, так как в первом пункте студенты говорят о том, что знали о подготовке к совершению панихиды, а во втором пункте отрицают данный факт. Более того, учащиеся заявляли, что не могли расслышать того, о чем говорил А. П. Шапов, что является не совсем понятным. Удовлетворившись данными объяснениями, внутреннее академическое правление вынесло следующее решение: «Объяснение их принять к сведению и надлежащему в потребных случаях соображению, но при сем строжайшим образом обязать студентов, чтобы впредь, во избежание подобных неприятных случаев, они с величайшей осмотрительностью обдумывали свои поступки»¹⁰. Как видим из этого постановления, студенты не понесли серьезных взыскательных мер за свой необдуманный шаг. Можно предположить, что в данном случае сыграло свою роль влияние на ход дела самого ректора архимандрита Иоанна, а также то, что члены правления, возможно, сами не могли предугадать того, какой серьезный оборот примет дело об участии студентов Казанской духовной академии в манифестациях и панихиде по крестьянам села Бездна.

Что касается А. П. Шапова, то он был поспешно уволен из академии по собственному желанию по причине нездоровья. Сохранилось его прошение следующего содержания: «По причине крайнего расстройства здоровья, не имея возможности неопустительно ходить на лекции, прошу уволить меня от должности бакалавра и, по причине крайней бедности моей и моих родителей, освободить меня от возвращения магистерского оклада. 8 апреля 1861 г.»¹¹. По сведениям П. В. Знаменского, данное прошение было написано на следующий день после панихиды, то есть 17 апреля. Однако на самом документе стоит число 8. Из этого можно сделать вывод, что архимандрит Иоанн (Соколов) уволил А. П. Шапова «задним числом», что, впрочем, в дальнейшем было замечено святителем Филаретом (Дроздовым), который возглавлял расследование данного дела. В своих «Отзывах и мнениях» он написал следующее: «В письме ректора Казанской академии от 28 апреля 1861 г. сказано, что Шапов 8 апреля уволен от службы при академии и из духовного звания <...> Но академическое правление не имеет права уволить от службы и из духовного звания без высшего утверждения. Следственно, 16 дня, когда была панихида, он состоял еще

⁹ Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 2–2 об.

¹⁰ О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна... Л. 52.

¹¹ Об увольнении из академии Шапова // НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2044. Л. 1

при академии <...> Посему можно спросить, не задним ли числом написано определение 8 дня»¹². Таким образом, поспешное увольнение архимандритом Иоанном (Соколовым) А. П. Щапова можно объяснить тем, что ректор пытался всеми доступными ему методами оградить академию от грозивших ей проблем. Однако методы эти, как видно, не всегда были уместны и разумны даже с прагматической точки зрения.

Что касается студентов Казанского университета, то они избежали серьезных последствий своего поступка благодаря заступничеству своего начальства¹³.

Однако, несмотря на все попытки архимандрита Иоанна представить участие в панихиде студентов в качестве необдуманного действия, казанский губернатор П. Ф. Козлянинов представил дело так, что студенты духовной академии явились едва ли не ключевыми фигурами в описываемых волнениях. 18 апреля губернатор отправил на имя министра внутренних дел Российской империи С. С. Ланского телеграмму о произошедшем на Куртинском кладбище. Данная телеграмма с пометкой «совершенно секретно» была переправлена обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Толстому и имела следующее содержание: «18 сего апреля от казанского губернатора получена телеграмма о панихиде, которая была совершена в Казани на кладбище по заказу студентов и академиков по убитым в селе Бездне, где происходили в недавнее время беспорядки»¹⁴. В этот же день ректор академии направил обер-прокурору Святейшего Синода письма студентов, в которых подробно излагались мотивы их поступков¹⁵. Однако граф А. П. Толстой признал необходимым отправить в Казанскую духовную академию специальную комиссию, которой следовало разобраться на месте в произошедшем, а также поручил арестовать духовных лиц, принимавших участие в панихиде. Последнее распоряжение было исполнено 30 апреля¹⁶. Вскоре после того, 5 мая, архимандрит Иоанн попытался вступить за священника Иоанна и иеродиакона Мелетия и послал на имя графа А. П. Толстого письмо, в котором написал: «Дозвольте, граф, присовокупить еще слово. Арест священника Яхонтова и иеродиакона Мелетия производит до крайности тягостное чувство во всей академии»¹⁷. Однако решение о заключении под стражу не было изменено. 16 апреля, в день своего ареста, священник Иоанн Яхонтов и иеродиакон Мелетий (Якимов) подали объяснения, в которых пытались доказать, что они стали случайными участниками протестных выступлений:

«1. В данном объяснении по поводу сей панихиды и от студентов академии вместе с другими мы показали, что и мы отправились на кладбище без всякого предварительно обдуманного намерения и таким образом сами по себе не имели мысли служить панихиду.

¹² *Филарет Московский, свт.* Указ. соч. С. 60.

¹³ См.: *Знаменский.* Указ. соч. С. 199.

¹⁴ О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна... Л. 1.

¹⁵ См.: Там же. Л. 52–55.

¹⁶ О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна... Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 66 об.

2. Местный священник, узнав о намерении студентов университета служить панихиду, предлагал нам служить панихиду, но мы отказались, не давая себе права служить в чужой церкви и без местного священника.

3. Когда же местный священник решился служить панихиду по убеждению студентов университета, тогда и мы, не разумея о сущности и значении этого дела и предполагая, что панихида отправляется не без ведома начальства университетского и городского, и между тем видя большое и торжественное собрание воспитанников университета, замечая также, что панихида предначинается в совершенном порядке и тишине, и мы, приняв общее со священноцерковнослужителями участие, причем местный священник был первым и главным действующим лицом.

4. При этом снова повторяем, что мы не имели никаких других мыслей и чувств, кроме христианского соболезнования о гибели людей, павших жертвами невежества, не понимая дела и обманчивых увлечений.

5. Тотчас по окончании панихиды, нимало не медля, мы вышли из церкви и возвратились в академию и не знали, что затем последовало далее, и не слышали речи г. Шапова, о которой посему мы и понятия не имели.

6. После того, когда допросы и внушение начальства академического и городского указало нам точку зрения, с которой можно смотреть на эту панихиду, то мы душевно сожалели о том, что дозволили себе даже и посторонним участие в панихиде»¹⁸.

В данном объяснении необходимо обратить внимание на третий пункт, в котором студенты указывают на студентов университета в качестве зачинщиков панихиды. Однако это объяснение противоречило рапорту, написанному уже причтом кладбищенской церкви: «16 числа апреля в 4 часа по полудни, пришед в церковь, начали мы совершать вечерню, во время коей пришли в оную обучающиеся в академии священник Иоанн Яхонтов и иеродиакон Мелетий и около 15 человек студентов академии и университета. Священник Яхонтов еще во время вечерни объяснил нам, что студенты намерены после вечерни отправить панихиду по убиенным своим родственникам и просили дать ему на отправление оной в нашей церкви позволение, по окончании же вечерни двое из студентов, вошед в алтарь упростили и нас принять в отправлении панихиды участие, сказав, что они хотят отправить оную по убиенным своим родственникам. Не находя никакой причины по какой бы нам можно отказаться от участия в служении панихиды, тем паче, что мы при кладбищенской церкви и находимся собственно для совершения по усопшим богослужения и отправления панихид. Мы согласились участвовать в панихиде с означенным священником Яхонтовым и иеродиаконом Мелетием и во время отправления оной более и более начали собираться в церковь студенты академии и университета, так что число их значительно увеличилось. По окончании панихиды, когда мы вошли в алтарь, бакалавр академии Шапов в толпе студентов поговорил какую-то краткую речь, содержание коей мы не могли слышать. О чем благопочтеннейше Вам о. благочинному и доносим»¹⁹.

¹⁸ Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 10–10 об.

Из приведенного свидетельства видно, что священник Иоанн Яхонтов еще во время вечерни рассказывал местным священнослужителям, что студенты желают отслужить панихиду по погибшим родственникам, в связи с чем просил разрешения на ее отправление. Далее два студента убедили присоединиться клириков кладбищенской церкви в панихиде. Из этого следует, что священник Иоанн Яхонтов являлся не только участником протестной акции, но и одним из ее организаторов, хотя и пытался переложить вину на «местного священника». Однако на рапорт священников кладбищенской церкви последовало опровержение от священника Иоанна и иеродиакона Мелетия, в котором они убеждали в том, что именно причт местного храма убедил их принять участие в служении панихиды. А местных священников просили о панихиде студенты не академии, а университета²⁰. Эта версия выглядит маловероятной, так как клир местного храма просил сослужить им клириков, не имеющих на то специального разрешения, что в случае огласки неизбежно привело бы к разбирательствам. Интересным является заявление академических священнослужителей, что они не имели никаких родственников среди убитых в селе Бездна²¹, о чем говорили священники Куртинской церкви. По всей видимости, они тем самым старались бросить тень на свидетельства клириков кладбищенского храма. То же самое о наличии родственников среди погибших написано в иных объяснительных студентов²². За этим ходом мысли можно увидеть архимандрита Иоанна, который, вероятно, помогал студентам в составлении своих объяснительных. На это указывает тот факт, что во всех объяснительных прослеживается одна общая линия, которая характеризуется отрицанием осведомленности студентов о цели манифестации, перекладыванием вины всецело на клир кладбищенской церкви и студентов университета. Кроме того, студенты Казанской духовной академии всячески отрицали возможность слышать речь А. П. Шапова.

Следующим этапом расследования дела о куртинской панихиде, как уже говорилось выше, стало назначение специальной комиссии из Москвы, о чем преосвященный Афанасий 8 мая известил ректора академии и правление²³. Активное участие в расследовании принимали святитель Филарет Московский и обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой, сформировавшие комиссию для расследования, препроводив их с особыми письмами на имя архиепископа Казанского и Свяжского Афанасия (Соколова)²⁴. В этот же день воспитанники академии, в числе 44 человек, как можно предположить, по указанию своего ректора решились написать письмо обер-прокурору графу А. П. Толстому, и архимандрит Иоанн, посчитав, что данное письмо является искренним и может помочь в благоприятном исходе дела, решил отправить это письмо его адресату. Содержание письма включает в себе наиболее полную версию всех объяснений

²⁰ См.: Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 19 об.

²¹ См.: Там же. Л. 20.

²² См.: Там же. Л. 15–18.

²³ См.: *Знаменский*. Указ. соч. С. 201.

²⁴ См.: Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 88, 90–90 об.

студентов²⁵. В этом письме, после изложения произошедших событий, студенты приносили искренние уверения в том, что «прежде всего никакой противной видам правительства и благу Отечества мысли не было ни прежде панихиды, ни во время совершения ее, ни после. И невозможно выработаться у нас мыслям и убеждениям, не согласным с намерением правительства»²⁶. Между прочим, письмо подписали семь студентов, не принимавших участие в Куртинской панихиде. И это решение, как можно предположить, архимандрита Иоанна — действовать лишних воспитанников, нельзя назвать удачным. Так как на это обстоятельство обратил внимание святитель Филарет, не одобрявший поступок воспитанников и потребовавший взять с них объяснительные²⁷, четыре из которых сохранились в архивных делах²⁸. Данное письмо свидетельствует о том, что архимандрит Иоанн прибегал ко всем возможным средствам для оправдания своих студентов и отвода подозрений от Казанской академии в политической неблагонадежности.

По своем приезде в Казань 8 мая²⁹ следователи приступили к изучению обстоятельств дела, а также к оценке общего состояния Казанской духовной академии. Архимандрит Иаков (Кротков) занялся сбором показаний у духовенства, а Н. И. Олферьев, живший некоторое время в Казани, занялся расспросами светских людей из числа своих бывших знакомых. Все студенты допрашивались по отдельности. Как утверждает П. В. Знаменский, который общался с некоторыми из допрошенных, студенты говорили то же самое, что и в своих объяснительных³⁰. Единственное, что удалось выяснить, это то, что часть воспитанников академии знала о цели панихиды заранее. Также некоторые из них утверждали, что выступили против дворянства, поощрившего убийство восставших крестьян, а не государственного строя. Что касается священника Иоанна Яхонтова, то следствие пришло к выводу, что он наиболее из всех заслуживал наказания, так как, по утверждению святителя Филарета (Дроздова), «следователи видят в нем лукавство и недобросовестность, что и дело показывает»³¹. Относительно иеродиакона Мелетия (Якимова) московский святитель ходатайствовал перед Святейшим Синодом «предоставить его высочайшему милосердию», так как тот, согласно заключению членов следственной комиссии, «участвовал в панихиде по уступчивости характера»³².

Положение облегчилось тем, что 20 мая к ректору пришли девять студентов из Казанского университета, которые обвинили академистов в том, что они незаконно отнимают у них честь быть инициаторами панихиды. За этот случай

²⁵ См.: Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 26–27об.

²⁶ Там же. Л. 26–26об.

²⁷ *Филарет Московский, свт.* Указ. соч. С. 103.

²⁸ См.: Об участии студентов Академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 64, 65, 66, 68.

²⁹ О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна... Л. 71.

³⁰ См.: *Знаменский.* Указ. соч. С. 205.

³¹ См.: *Филарет Московский, свт.* Указ. соч. С. 99.

³² См.: Там же. С. 100.

ухватился архимандрит Иоанн, который склонил этих студентов к написанию документа, удостоверяющего их причастность к организации вышеупомянутой протестной акции. Это объяснение имело следующее содержание: «До нас дошли слухи, что инициатива панихиды, совершенной 16 апреля, приписана преимущественно студентам Духовной академии. Мы же, нижеподписавшиеся, утверждаем, что она принадлежит студентам университета, равно как и переговоры с куртинским священником и все распоряжения, и расходы по этому случаю; вследствие чего мы считаем долгом заявить это правлению академии. Вообще студенты академии были посторонними и случайными посетителями при панихиде, и мы даже не знаем, как они тут случились»³³. Данная бумага была передана следователям³⁴. 14 июля материалы дела были отправлены на рассмотрение и заключение митрополиту Филарету (Дроздову).

Первые мысли о происшедшем московский святитель высказал еще 21 мая на основе первых донесений следователей и двух объяснительных. И его мнение было достаточно категоричным. Архипастырь считал, что основными зачинщиками противоправительственной акции были студенты Казанской академии: «На такую манифестацию, кажется, и университетские студенты и начальство не решились»³⁵. И в целом он был настроен решительно против учащих академии. 16 июня святитель Филарет пишет: «Что панихида есть демонстрация против дворян, это есть неловкое прикрытие цели, а не цель»³⁶. Однако когда был подготовлен полный отчет по рассматриваемому делу, то святитель Филарет (Дроздов) смягчил свою позицию. 25 июля в своем мнении об участии академистов в Куртинской панихиде он заключил, что наибольшую вину за произошедшую манифестацию несут А. П. Шапов и священник Иоанн Яхонтов. Относительно студентов он выразил следующее мнение: «По соображении всего здесь изложенного о 37 студентах Казанской академии составляется следующее убеждение, что некоторые из них подлежат подозрению в принятии участия в незаконной панихиде... все же они виновны в необдуманном и опрометчивом участии в деле, которого незаконность, по крайней мере отчасти, была для них видима, и в том, что свое неправо дело защищали неправильными средствами»³⁷. Из этого отзыва можно заключить, что мнение святителя Филарета об участии студентов академии сблизилось с позицией правления Казанской духовной академии и несколько смягчилось.

Заключение святителя Филарета (Дроздова) имело важнейшее значение для исхода дела. После рассмотрения всех его обстоятельств и получения отзыва московского святителя Святейший Синод принял решение о ссылке священника Иоанна Яхонтова в Соловецкий монастырь, иеродиакона Мелетия (Якимова), ввиду хороших отзывов о нем, было решено отправить в посольский Спасо-Преображенский монастырь в Иркутске. Бакалавр А. П. Шапов был исключен

³³ Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым с. Бездны... Л. 92.

³⁴ См.: *Знаменский*. Указ. соч. С. 206.

³⁵ См.: *Филарет Московский, свт.* Указ. соч. С. 62.

³⁶ См.: Там же. С. 83.

³⁷ См.: Там же. С. 103.

из духовного звания, а некоторые из 37 студентов были поставлены во второй разряд, что, впрочем, не препятствовало их дальнейшему обучению при исправном поведении и хорошей учебе³⁸. Семь из тридцати семи студентов за дерзкое поведение и неуважительное отношение к членам следственной комиссии были исключены из состава учащихся.

Таким образом, расследование Куртинской панихиды было прекращено. Однако, по замечанию П. В. Знаменского, священноначалие на местах еще долгое время попрекало происшествием в храме Ярославских чудотворцев тех студентов, которые прибывали к ним из Казанской духовной академии³⁹. Что касается студентов Казанского университета, то они не понесли каких-либо серьезных наказаний за свой поступок, о чем заметил сам святитель Филарет (Дроздов) в своем отзыве: «Наконец, невольно рождается вопрос, как согласить то, что по делу, за которое студенты академии подвергнуты ответственности, виновниками открыто объявляют себя студенты университета и остаются без всякой ответственности? По сему вопросу духовному ведомству принадлежит не суждение, а только удивление»⁴⁰.

В итоге студенты Казанской духовной академии были признаны невиновными в противоправительственных выступлениях. Это решение было основополагающим для положительного завершения данного дела. По выражению И. С. Бердникова, «этот прискорбный случай едва не повлек за собой закрытие академии, и во всяком случае надолго омрачил ее репутацию»⁴¹.

Таким образом, благодаря стараниям архимандрита Иоанна (Соколова), Казанская духовная академия была сохранена от угрозы закрытия, а студентам удалось избежать серьезных последствий своего необдуманного поступка. Но необходимо сказать о том, что именно при руководстве архимандрита Иоанна в Казанской академии стала возможной сложившаяся ситуация, при которой студенты могли почувствовать некую свободу в выражении своих политических предпочтений.

Архимандрит Иоанн (Соколов) был одним из первооткрывателей публицистического направления в церковной проповеди. В. П. Виноградов говорит об этом следующим образом: «Так, усиленное напряжение мысли и сердца русского общества породило в области проповеднического творчества новый для Руси вид проповеднического слова — публицистический»⁴². И в этом контексте он упоминает епископа Иоанна (Соколова): «Явились могучие носители этого слова, краса и гордость истории русской проповеди. Их было целое созвездие. В центре его горели несравненным светом три звезды первой величины, три архипастыря-витии: Иоанн, еп. Смоленский, Амвросий, архиеп. Харьковский,

³⁸ См.: О панихиде, совершенной в Казани на кладбище по заказу воспитанников университета и академии по убитым в селе Бездна... Л. 138–140.

³⁹ См.: *Знаменский*. Указ. соч. С. 210.

⁴⁰ См.: *Филарет Московский, свт.* Указ. соч. С. 103.

⁴¹ *Бердников И. С.* Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования: 1842–1892 гг. Казань, 1892. С. 111.

⁴² *Виноградов В. П.* «Последний из могикан» (Памяти архиепископа Амвросия (Ключарева)) // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 10. С. 281.

и Никанор, архиеп. Херсонский...»⁴³. Содержание проповедей публицистического направления, составленных архимандритом Иоанном, определяли общественно значимые события, происходившие в Российской империи в середине XIX в. Основной задачей таких проповедей являлось доказательство того, что Церковь не остается безучастной к нуждам своего земного Отечества и своего народа. В связи с этим становится понятно, что в Казанской духовной академии благодаря ее ректору господствовал особый дух свободы и, как бы сказали в рассматриваемую эпоху, были распространены веяния «либерализма».

Архимандрит Иоанн (Соколов) чутко воспринимал изменения в обществе и старался найти место Церкви в изменяющемся мире. По его мысли, Церковь не могла находиться в стороне от творческих процессов в России и «согласно с своим духом не может без особой заботливости и предусмотрительной строгости следить за ходом возрождения Отечества»⁴⁴. В дальнейшем сам архимандрит Иоанн признавал, что его проповеди были неуместными в период подготовки и проведения реформ. На эту мысль его натолкнули не только происшествие с его студентами, но и общий фон намечающегося разлада между церковностью и мирской жизнью людей. Свои мысли он подробно изложил в письме к однажды посетившему его в Казани К. П. Победоносцеву, в котором между прочим заметил: «Я хотел не современный прогресс проповедовать, а его вопросы только подвести под христианскую точку зрения и в этот хаос идей и стремлений внести светоч религии»⁴⁵. Несмотря на это заявление, проповеди архимандрита Иоанна, будущего епископа Смоленского, были достаточно прогрессивными для своего времени, за что он много пострадал. Подтверждение тому можно найти в свидетельстве архиепископа Херсонского и Одесского Никанора (Бровковича), который упоминает о содержании письма обер-прокурора графа А. П. Толстого к архимандриту Иоанну (Соколову), в котором «г. обер-прокурор строго раскрывает неуместность и неприличие того, чтобы богослов, духовный мыслитель и проповедник, касался вопросов современной жизни, в роде крестьянского»⁴⁶. Однако никто особенно не стеснял ректора произносить те проповеди на богослужении, которые он считал нужными. В связи с чем студенты академии имели возможность познакомиться с мыслями архимандрита Иоанна более близко и заразиться «либеральными идеями» своего ректора, что вкупе с молодостью и неопытностью дало печальные результаты. Более того, архимандрит Иоанн, будучи редактором академического журнала «Православный собеседник», поощрял публикацию статей, которые впоследствии были признаны «не соответствующими духу Православия»⁴⁷. Так, с его подачи в «Православном собесед-

⁴³ *Виноградов*. Указ. соч. С. 281.

⁴⁴ *Иоанн (Соколов)*, архим. Привет Церкви Отечеству на Новый год. 1 января 1859 г. // *Православный собеседник*. 1859. Ч. I. С. 235–236.

⁴⁵ Иоанна, архим. ректора Казан. дух. академии (в миру Соколов Владимир Сергеевич) к [Победоносцеву Константину Петровичу (?)] // ОР РГБ. Ф. 230. Картон 10802. Д. 17. Л. 2.

⁴⁶ *Никанор (Бровкович)*, архиеп. Биографические материалы / Под ред. свящ. С. Петровского. Одесса, 1900. С. 188.

⁴⁷ О неблагоприятном впечатлении, произведенном некоторыми статьями издаваемого при Казанской духовной академии журнала «Православного собеседника» // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 1 отд. 2 ст. Д. 188. Л. 2.

нике» была помещена статья А. П. Шапова «Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей»⁴⁸, что вызвало большую критику в адрес редакции журнала не только со стороны Святейшего Синода, но и ряда иерархов⁴⁹. Можно предположить, что само написание статьи прошло не без участия архимандрита Иоанна (Соколова), ревностно следившего за содержанием публикуемых материалов в академическом журнале. Кроме того, воспитательскую политику архимандрита Иоанна ярко характеризуют слова, сказанные им студентам при отбытии из Казанской духовной академии на новое место служения в Санкт-Петербург: «Поняли ли вы меня, господа? Я руководствовался вот какими правилами: если имеешь дело с людьми развитыми, учеными, образованными, то их нужно предоставить собственному рассудку и сознанию. Из этого ничего дурного не выйдет. Если же выходили крайности, то против крайних поступков оставалось и средство крайнее... Что касается до моих личных к вам отношений, то я доволен и вами, и прежними курсами... Желаю вам счастливо окончить курс; жаль, что мне не удалось окончить вместе с вами курса. Ну, без меня, может быть, будет лучше»⁵⁰.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо сказать о тех мотивах, которые подвигли студентов прежде всего Казанской духовной академии к участию в Куртинской панихиде. Во-первых, по мнению автора статьи, А. П. Шапов выступил одним из главных зачинщиков манифестации. Связано это с тем, что А. П. Шапов долгое время преподавал как в Казанском университете, так и в Казанской духовной академии и мог своими политическими идеями вдохновить слушателей на некий протест против существующих несправедливостей в государстве, каковые он наблюдал в особенности по отношению к наличию крепостного права и бедственного положения крестьян. Основными его помощниками в организации выступлений явились студенты Казанского университета, которые даже возревновали к «славе» своих товарищей из академии, о чем написали соответствующее объяснение, которое было приведено выше. То есть, согласно имеющимся свидетельствам, явный политический мотив носили действия лишь А. П. Шапова, который выразил протест против социального неравенства и пропагандировал «общинно-демократическую свободу». О студентах университета и академии такой однозначный вывод сделать сложно, хотя и исключить данную версию также нельзя. Что касается студентов Казанской духовной академии, то автор статьи склоняется к мысли о том, что ими двигало желание высказать протест против неуместного поведения дворян, давших обед генерал-майору А. С. Апраксину в честь подавления мятежа. Этот в высшей степени безнравственный поступок не мог получить одобрения, так как празднование напрасного убийства десятков своих сограждан, увлекшихся мыслями авантюриста и невежды, было кощунством. Об этом же говорит и П. В. Знамен-

⁴⁸ Шапов А. П. Голос древней Русской Церкви об улучшении быта несвободных людей // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. № 1. С. 40–76.

⁴⁹ См., например: Игнатий (Брянчанинов), свт. Архипастырские воззвания по вопросу освобождения крестьян от крепостной зависимости // Полное собрание творений. 2001. Т. 2. С. 393–432.

⁵⁰ Цит. по: Знаменский. Указ. соч. С. 214.

ский: «Дворяне задали обед в честь стрелявшего в крестьян, нужно манифестировать против дворян за крестьян, служить панихиду...⁵¹. Архимандрит Иоанн же неоднократно писал о том, что ему необходимо было затратить массу усилий, чтобы объяснить своим воспитанникам политический подтекст их участия в панихиде. То есть объяснения студентов, что они присутствовали на панихиде «без всякой особенной цели, а единственно побуждаемые состраданием и сожалением к крестьянам, падшим жертвами неясного понимания дела», можно признать правдивыми, за исключением того, что они не афишировали свое отношение к поведению некоторой части представителей казанского дворянства. Таким образом, никакого политического подтекста в действиях воспитанников Казанской духовной академии не усматривается (во всяком случае у большинства из них).

Как бы то ни было, из всего вышесказанного можно заключить, что как ректор Казанской духовной академии, так и часть его воспитанников к началу 60-х гг. XIX в. были носителями «либеральных» идей, в том понимании данного термина, каковое усваивало ему русское общество середины XIX в., то есть они считали вправе открыто высказывать свои мысли и идеи относительно устройства различных сторон жизни своего государства. А это, в свою очередь, как показал случай с опалой «Православного собеседника», не получало поддержку со стороны властей. Стоит обратить внимание на то, что казанские академики, будущие преподаватели духовных семинарий, а возможно, и будущие архиереи, на рубеже 50–60-х гг. обладали начатками ответственности за судьбу своей будущей паствы. В некоторой степени эти мысли были навеяны общим духом протеста, господствовавшим в кругах прогрессивных дворян России. Однако сам факт того, что воспитанники духовных школ были вполне искренни в своих порывах к справедливости, добру и правде, говорит о том, что Русская Церковь имела хороший потенциал, который необходимо было направить в правильное русло. Что касается самих методов для достижения цели улучшения жизни народа, то их трудно признать верными, так как будущим пастырям надлежало в первую очередь своим личным примером жизни, проповедью и увещаниями к простому народу и власти имущим точить камень несправедливости и бедственного положения большинства населения Российской империи, а не использовать амвон для своих политических целей.

Ключевые слова: протест, студенты, Казанская духовная академия, Казанский университет, Куртинская панихида, село Бездна, крестьяне, расследование, архимандрит Иоанн (Соколов), святитель Филарет (Дроздов).

Список литературы

- Мороховец Е. А. Дружинин Н. М.* Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права: В 2 ч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
- Федоров В. А.* Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. М.: МГУ, 1994.

⁵¹ *Знаменский.* Указ. соч. С. 207.

PARTICIPATION OF STUDENTS OF KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY IN REQUIEM FOR FARMERS IN THE VILLAGE OF BEZDNA

R. TUPIKIN

There was no other theological institution in Russian church where students led such a rampant life and where the rector played such an important role in their fate as in Kazan in 1861. At that time, students of theological schools were not so widely involved in socio-economical movements in Russia, which made it rather unexpected that students of Kazan Theological Academy were found in the centre of protest actions against legal authorities. In 1861, the students conducted a requiem for the perished farmers of the village of Bezdna at Krutinskoye (Arskoye) cemetery in Kazan. Thanks to the efforts of their rector, archimandrite Ioann (Sokolov), they managed to escape grave consequences of their thoughtless act. The article aims to examine the course of the main events of this requiem and to give evaluations of actions of those persons who were involved in them. The sources for this study are archival documents of the Russian State Historical Archive, National Archive of Tatarstan and the Department of Manuscripts of the Russian State Library. An important source is “Opinions and Reports” by St. Filaret of Moscow, who was one of the key figures in the investigation of the requiem for the farmers of Bezdna. The study also made use of sermons of the future bishop of Smolensk Ioann (Sokolov) as well as the work by P. V. Znamensky “History of Kazan Theological Academy in the first (pre-reform) period (1842–1870)”. Based on the carried-out research, the author of the article answers the question about the true motives of the participation of students of Kazan Theological Academy in the protest actions.

Keywords: protest, students, Kazan Theological Academy, Kazan University, Kurтин funeral service, Bezdna, investigation, archimandrite Ioann (Sokolov), St. Philaret (Drozdov).

References

- Morokhovets E. A., Druzhinin N. M., *Krest'ianskoe dvizhenie v 1861 godu posle otmeny krepostnogo prava*, Moscow, 1949.
- Fedorov V. A. *Konets krepostnichestva v Rossii dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i*, Moscow, 1994.